

Место и роль эллинистической культуры в гуманитарной концепции Цицерона

Никишин В.О.

Выдающийся оратор, писатель и переводчик¹, Цицерон был носителем той элитарной культуры, которая к моменту его появления на свет успела до известной степени укорениться на италийской почве. Эта культура носила «интернациональный», средиземноморский характер, а по форме и содержанию являлась преимущественно эллинистической; по сути, греческий компонент доминировал в ней безраздельно, и римским интеллектуалам приходилось принимать это как данность (хотя они далеко не всегда были готовы это признать, тем более публично). В ту пору, когда молодой Цицерон получал своё гуманитарное образование (его наставниками были как греки, так и римляне), в греко-римском Средиземноморье в отношении *artes liberales* (благородных, или изящных искусств) сложилась ситуация, которую в своё время исключительно метко и ёмко охарактеризовал Гораций: «*Graecia capta ferum victorem cepit*» («пленённая Греция пленила дикого победителя»²) (Horat. Ep. II. 1. 156). Сперва великодушно «освобождённая» римлянами от македонского владычества в 196 г. до н.э., Греция была вновь «пленена» всё тем же Римом полвека спустя, в 146 г. до н.э. Между тем усиливавшееся год от года влияние эллинистической культуры на все стороны жизни римской *civitas* началось ещё в III в. до н.э.³, на завершающем этапе завоевания Римом Италии, в результате

¹ Подробнее о переводческой деятельности Цицерона см.: Atzert C. *De Cicerone interprete Graecorum*. Diss. Göttingen, 1908; Nairn J.A. *Cicero and his Greek originals* // PCA. — 1932. — 29. — P. 29 sqq.; Scribner H.S. *Cicero as a Hellenist* // CJ. 16. 1920. P. 87 sqq. О проблемах перевода с греческого на латынь см.: Griffin M. *The intellectual developments of the Ciceronian age* // CAH. 2nd ed. Vol. IX. *The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C.* / Ed. J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson. Cambridge, 1994. P. 699–700.

² Здесь и далее отсутствие фамилии переводчика означает, что перевод выполнен автором настоящей статьи.

³ Gruen E. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. — Vol. 1. — Berkeley, 1984. — P. 250–272.

чего Римская республика стала, по словам А.Г. Бокщанина, «типичным эллинизированным государственным образованием»¹.

Процесс культурного взаимодействия греков и римлян в гуманитарном пространстве, традиционно трактуемый в историографии как «конфликт между теоретиками-греками и практиками-римлянами»², осложнялся тем обстоятельством, что для подавляющего большинства носителей эллинской культурной идентичности (за исключением крайне немногочисленных романофилов вроде Дионисия Галикарнасского или Николая Дамасского), будь то греки или македоняне, римляне всегда оставались «варварами» (Polyb. V. 104. 1; IX. 37. 6; XI. 5. 6; XVIII. 22. 8; Liv. XXXI. 29. 15)³. Сами римляне узнали

¹ Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. Ч. 1. М., 1960. С. 210. Процесс эллинизации римской жизни, для которого было характерно, в частности, распространение в Риме и Италии греческого языка, атлетических состязаний и гимнасиев, растянулся на несколько столетий (Griffin M. The intellectual developments of the Ciceronian age... P. 696 sqq.). В итоге римская цивилизация стала частью эллинистического культурного пространства (Norden E. Die Römische Literatur. Leipzig, 1954. S. 22). Результатом этой «интеллектуальной революции» (Momigliano A. Alien Wisdom. The Limits of Hellenization. Cambridge, 1975. — P. 19) явилось активное вовлечение римских интеллектуалов в сферу греческого культурного влияния (Hog. Ep. II. 1. 156; Liv. XXXIV. 4. 3; Vell. II. 34. 3).

² См.: Corbeill A. Education in the Roman Republic: creating traditions // Education in Greek and Roman antiquity / Ed. Yun Lee Too. Leiden, 2001. P. 261; Gruen E. The Hellenistic World and the Coming of Rome. — Vol. 1. — Berkeley, 1984. — P. 260–266.

³ Как известно, в античной традиции издавна существовало деление человечества на греков и варваров, которое ко времени Цицерона, по выражению Д. Балдона, стало уже «инстинктивным» (Baldson J.P.V.D. Romans and Aliens. L., 1979. P. 31). Впрочем, ещё в IV в. до н.э. (вероятно, с Аристотеля и Гераклида Понтийского) берёт своё начало греческая традиция, согласно которой Рим возник как греческая колония, а римляне, таким образом, являлись потомками греческих переселенцев и, следовательно, не могли считаться варварами. Одним из видных представителей этой традиции на рубеже эр был Дионисий Галикарнасский, который в своих «Римских древностях» задался целью доказать давний тезис о том, что Рим был основан греками (Dion. Hal. Ant. Rom. I. 5. 1; 89. 1–90. 2; VII. 70. 1–5). Следует подчеркнуть, что сам по себе этот тезис являлся, как верно отметил Э. Грюэн, «обычной формой эллинского интеллектуального империализма» (Gruen E.S. Culture and National Identity in Republican Rome. N.Y., 1992. — P. 12). О внутренне противоречивой «варварологии» Полибия в отношении Рима см.: Champion C. Romans as Barbaroi: Three Polybian Speeches and the Politics of Cultural Indeterminacy // CPh. 95. 2000. — P. 425–444. В частности, К. Чемпион отмечает, что отношение греческих писателей к римлянам, как правило, зависело от политической конъюнктуры: когда римляне действовали в интересах греческих общин, они рассматривались как «почётные греки»; ког-

об этом в III в. до н.э., когда начали знакомиться с греческой литературой¹. До поры до времени они, по-видимому, довольно спокойно реагировали на то, как, к примеру, Плавт в своих комедиях недвусмысленно намекал на «варварское» происхождение своих соотечественников (Plaut. Trin. 19; Mil. glor. 211). Однако уже Катон Старший оскорблялся по этому поводу (Plin. Nat. Hist. XXIX. 14)², а Луцилий называл «варварами» врагов римлян (Lucil. Sat. 615). В представлении же традиционалиста Цицерона род людской (*societas hominum*) (Cic. Off. I. 53) делился на несколько иерархических ступеней (*gradus*) (loc. cit.); двумя полярными *gradus* являлись варварство (*barbaria, immanitas*) и цивилизация (*humanitas*), причём последнюю Цицерон локализовал на территории Греции и Италии (Cic. Fin. II. 49).

Задача первостепенной важности заключалась для Цицерона в том, чтобы опровергнуть традиционную для греческих авторов версию о «варварстве» римлян. С этой целью он поставил во главу угла своей аргументации культурный критерий оценки вместо этническо-лингвистического. Что касается последнего, то с этой точки зрения римляне, безусловно, в соответствии с греческой традицией должны были считаться варварами. И Цицерон этого не отрицал³. В диалоге «О государстве» на вопрос Сципиона Эмилиана: «Был ли Ромул царём варваров?» оратор устами Гая Лелия отвечает: «Если, как утверждают греки, все люди — либо греки, либо варвары, то он, пожалуй, был царём варваров» (*si, ut Graeci dicunt omnis aut Graios esse aut barbaros, vereor, ne barbarorum rex fuerit*) (Rep. I. 58. Здесь и далее цит. в пер. В.О. Горенштейна). Однако за этим допущением

да же греки претерпевали какие-то неудобства в результате великодержавной политики римлян, последние трактовались как «варвары» (*ibid.* P. 427). Безусловно, процесс культурного взаимодействия был обоюдным, и греки порой подвергались романизации (например, в Южной Италии) (Strabo VI. 1. 2) точно так же, как римляне — эллинизации. В своей статье, посвящённой «варваризации» греков на юге Италии в период Поздней Республики, Г.У. Бауэрсок убедительно показал, как на рубеже эр процесс романизации органично сочетался с «новым эллинизмом» (Bowersock G.W. *The Barbarism of the Greeks* // HSCPh. 97. 1995. — P. 3–14).

¹ См.: Мосолкин А.В. Понятие *barbarus* у ранних римских писателей (анализ источников) // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. — С. 47–51.

² «Шовинистические» высказывания Катона Старшего по адресу греческих врачей Р. Смит совершенно справедливо счёл проявлением «римской паранойи в отношении греков и их культуры» (Smith R.R.R. *Greeks, Foreigners and Roman Republican Portraits* // JRS. 71. 1981. — P. 36, n. 121).

³ Так, в своей переписке он не раз называет римлян «троянцами» (Cic. Att. VII. 1. 4; VIII. 16. 2; XIII. 13. 2; 24), тем самым как бы подтверждая их происхождение от малоазийских варваров.

немедленно следует его опровержение: «Если же такое имя следует давать на основании нравов, а не на основании языка, то я не думаю, чтобы греки были варварами в меньшей степени, чем римляне» (*sin id nomen moribus dandum est, non linguis, non Graecos minus barbaros quam Romanos puto*) (loc. cit.)¹. Воспользовавшись культурным критерием оценки, Цицерон постарался максимально затушевать этническо-лингвистический. Так, он недвусмысленно дал понять, что природные качества людей (*ingenia*) вовсе не зависят от их этнического происхождения (*gens*). Поэтому, несмотря на то, что римляне, не являясь греками², в соответствии с традицией должны были бы считаться варварами, они, будучи «разумными людьми» (*prudentes homines*), «не лишёнными образования и не дикими» (*neque inhumanis ac feris*), варварами, по мнению Цицерона, не являлись (loc. cit.).

Интенсивный поиск представителями римской интеллектуальной элиты своей идентичности (*cultural identity*) привёл к тому, что уже в III в. до н.э. в Риме по отношению к греческой культуре стали формироваться две тенденции: филэллинская и антиэллинская. Если филэллинизм (он существовал в двух ипостасях — политической и литературной) был вполне искренним, нередко восторженным³, зачастую глубоко осознанным и довольно последовательным,

¹ Вместе с тем Цицерон признавал, что в незапамятные времена римляне и впрямь были «дикими» (*agrestes*) (Cic. Rep. II. 24; 27; Leg. II. 36), однако греческое культурное влияние много способствовало их приобщению к цивилизованной жизни (*humanitas*) (Cic. Rep. II. 34; Leg. II. 36; Arch. 5).

² Не только кое-кто из греческих писателей (см. выше), но и некоторые латинские авторы исходили из того, что исторические корни римлян восходят к грекам. Так, в своих «*Origines*» Катон Старший, этот, по выражению Э. Грюэна, «доморощенный поборник римского шовинизма», исходил из того, что не только римляне, но и их соседи-италики происходили от греков (Gruen E.S. *Romans and Others // A Companion to the Roman Republic / Ed. N. Rosenstein and R. Morstein-Marx. Oxford, 2006. — P. 462*).

³ По мнению Т.Дж. Хаархоффа, римские филэллы испытывали своего рода «сентиментальную привязанность» к греческой литературе (Haarhoff T.J. *The Stranger at the Gate. Aspects of Exclusiveness and Cooperation in Ancient Greece and Rome, with Some Reference to Modern Times. Oxford, 1948. — P. 191*). В одном из писем к брату Квинту Цицерон высоко оценивает роль греческого образования в формировании личности и указывает брату на то, сколь многим они оба обязаны греческой культуре: «Поистине, мне уже не будет совестно признать, особенно при такой жизни и деятельности, когда никто не может заподозрить меня в бездеятельности или легкомыслии, что то, чего мы достигли, мы получили благодаря тем наукам и искусствам (*his studiis et artibus*), которые переданы нам в памятниках и учениях Греции. Поэтому, помимо доверия вообще, с которым мы должны относиться ко всем, кроме того, мы, как мне кажется, особенно обяза-

то антиэллинизм, хотя и казался непримиримо враждебным всему греческому, в действительности далеко не являлся таковым в полной мере. Яркий тому пример — антиэллинизм Катона Старшего. С одной стороны, Катон во многом заслуженно снискал себе славу убеждённого и непримиримого противника любых проявлений греческого культурного влияния на италийской почве, пользовался репутацией ревностного блюстителя «заветов предков» (*mores maiorum*), а также был известен своим крайне негативным мнением о греках вообще. С другой — старый политик, в тиши домашнего кабинета усердно изучавший ту самую греческую литературу (*litterae Graecae*) (Cic. *Senect.* 26), которую на публике он так рьяно порицал и клеймил, едва ли на самом деле был убеждённым греконенавистником. «Странный» антиэллинизм Катона питало римское «национальное» чувство, инстинктивно отвергавшее чересчур сильное чужеземное влияние. По выражению Э. Грюэна, «Цензор взял на себя задачу не уничтожения эллинизма, а утверждения его второсортности по отношению к национальным ценностям»¹. Иными словами, «Катон Цензор относился к греческой культуре не как враг Эллады, а как сторонник Рима»². Видимо, старик Катон беспокоился не зря: когда в 155 г. до н.э. толпа римских граждан явилась на форум, чтобы послушать выступление греческого философа и ратора Карнеада, переводчик им не понадобился³. Впоследствии по стопам Катона Старшего пошёл Цицерон, парадоксальным образом сочетавший филэллинство, пронизавшее всю его жизнь и деятельность, с «патриотичным» антиэллинизмом⁴.

ны этому роду людей (*isti hominum generi*), т.к. по отношению к тем самым людям, на учениях которых мы воспитались, мы стремимся выказать то, чему научились у них» (Cic. *Qu. fr.* I. 1. 28). Эти откровенные слова в письме к брату, на наш взгляд, красноречивее любых других свидетельств говорят о роли греческой культуры в жизни Цицерона (см.: Nairn J.A. *Cicero and his Greek originals...* P. 29–33) и о его отношении к своим наставникам-грекам.

¹ Gruen E.S. *Culture and National Identity in Republican Rome...* P. 74.

² *Ibid.* P. 80.

³ Corbeill A. *Education in the Roman Republic...* P. 271.

⁴ Отношение Цицерона к грекам и их культуре было двойственным и противоречивым, по принципу «*odi et amo*» (см.: Syed Y. *Romans and Others // A Companion to Latin Literature / Ed. S. Harrison. Oxford, 2005. P. 363–366*). В одном из писем к Титу Помпонию Аттику (Cic. *Att.* I. 15. 1) Цицерон назвал его и себя филэллинами. Из контекста следует, что этот ярлык, во-первых, вполне согласуется с самооценкой автора письма и, во-вторых, ярко характеризует его «одиозную», с точки зрения римских консерваторов, репутацию. В своё время Г. Гайт убедительно показал, что понятие «филэллин» означало для Цицерона прежде всего расположение и дружескую приязнь

Движимые «национальным» чувством римские интеллектуалы, такие как Катон Старший и Цицерон, осознанно противопоставляли заимствованному извне «эллинизму» свой «романизм» (*Romanitas*, *Latinitas*), т.е. ту традиционную систему ценностей, которая сформировалась на италийской почве в результате многовекового процесса развития римской *civitas*. Отстаивать «романизм» было нелегко, ибо в период Поздней Республики медицина, образование, науки и искус-

к современникам-грекам, а уже потом приверженность к греческой культуре. В этом смысле слово *philellen* применительно к самому себе, Атику или брату Квинту звучит в устах оратора как эвфемизм взамен одиозного *Graecus* или *Graeculus* (Guite H. *Cicero's attitude to the Greeks* // *G & R*. 9. 1962. P. 143–144). В «Жизнеописании Цицерона» Плутарх сообщает о том, что римские плебеи презрительно именовали молодого Цицерона «греком» (*Graicos*) и «учёным» (*scholasticos*) (Plut. *Cic.* 5). Сам Цицерон утверждал, что «интерес ко всему латинскому всегда сочетал в себе с интересом ко всему греческому» (*semper cum Graecis Latina coniunxi*) (*Cic. Off.* I. 1. Пер. В.О. Горенштейна). Характерно, что получивших греческое образование соотечественников, таких как Луций Гелий Попликола (*Cic. Sest.* 110) или Тит Альбуций (*Cic. Prov. cons.* 15; *Brut.* 131; *Tusc.* V. 108), оратор, в свою очередь, награждает прозвищем «греки» (*Graeci*) или «гречишки» (*Graeculi*) (*Cic. De orat.* I. 221; *Fin.* I. 8–9). Иногда Цицерон приторно намекал на свою мнимую неосведомлённость в области греческой литературы (*Cic. Rosc. Am.* 46; *Fam.* XV. 6. 1), и всякий раз это делалось с определённым расчётом. Оратор пытался совместить *otium* (культурный досуг) и *negotium* (общественную деятельность) без ущерба для своего «достоинства» (*dignitas*) политического деятеля и римского патриота, перенося, по его словам, «ту истинную и древнюю философию, которая кажется кое-кому делом отдохновения и праздности, на форум и в жизнь государства и чуть ли не на поле битвы» (*Cic. Fam.* XV. 4. 16. Пер. В.О. Горенштейна). Со временем Цицерон (и, видимо, не только он) настолько свыкся со своей репутацией «грека», приверженного эллинской культуре, что считал возможным, ничуть не умаляя собственной *dignitas*, демонстрировать своё пристрастие к греческой литературе на народной сходке (*Cic. Att.* XV. 15. 2). В речах и диалогах, адресованных более или менее широкому кругу слушателей и читателей, Цицерон нередко всячески принижал значение достижений греческой культуры, пренебрежительно отзывался о ней, поносил тех самых греков, которых признавал «самым образованным народом» (*eruditissima illa Graecorum natio*) (*Cic. De orat.* II. 18), и всё это ради того, чтобы путём унижения греков и их богатейшей культуры свести на нет преклонение римских филэллинов перед этой культурой и тем самым стимулировать их гордость за свою собственную (Trouard M.A. *Cicero's attitude towards the Greeks*. *Diss.* Chicago, 1942. — P. 92 sqq.). Задачей Цицерона было, говоря словами Э. Грюэна, «подчинение эллинизма национальным идеям» (Gruen E.S. *Culture and National Identity in Republican Rome*... P. 270). По нашему мнению, сам Цицерон ощущал свою принадлежность в равной мере к обоим «лагерям», как к «национальному», так и к «греческому», и в этом заключалась драматическая раздвоенность его личности и мировоззрения.

ства практически всецело относились к сфере деятельности греков (сами римляне, видимо, считали ниже своего достоинства профессионально заниматься всем этим). Вместе с тем римские власти активно использовали достижения эллинистической культуры в целях пропаганды (в частности, это относится к греческому изобразительному искусству). По словам того же Э. Грюэна, «эллинизм был крайне выгоден римлянам. Он способствовал, с одной стороны, обогащению собственного потенциала, а с другой — выделению особых заслуг собственной нации»¹.

Обычно римляне с готовностью воспринимали ту или иную греческую традицию и усваивали её, творчески переработав и, таким образом, сделав своей. Со временем складывалась парадоксальная ситуация, когда римским интеллектуалам-традиционалистам казалось, что «современная греческая практика угрожает испортить романизованную греческую практику»². Такое положение дел было закономерным следствием сугубо прагматичного подхода римлян к эллинистической культуре, включая образование: заимствованные элементы этой культуры со временем идентифицировались римлянами с их «национальной» традицией; так «греческое» становилось «римским»³. Даже созданные греческими писателями произведения латинской литературы служили целям римской аристократической идеологии⁴.

Итак, с одной стороны, образованные представители римской элиты охотно пользовались плодами греческой культуры, учились у греков и нередко бывали более или менее тесно связаны (в том числе и дружескими узами) с некоторыми из них; с другой — в большинстве своём римляне презирали греков за их «заносчивость» (*insolentia*)⁵, «легкомыслие» (*levitas*)⁶ и «болтливость» (*loquacitas*),

¹ Gruen E.S. *Culture and National Identity in Republican Rome...* P. 271.

² Corbeil A. *Education in the Roman Republic...* P. 281.

³ *Ibid.* P. 282.

⁴ Habinek T. *The Politics of Latin Literature*. Princeton, 1998. — P. 36.

⁵ Так, плохо скрытые обида и досада из-за невежества своих соотечественников наряду с завистью и ревностью по отношению к образованным чужакам-грекам отчётливо просматриваются в словах Цицерона, высказанных устами прославленного оратора Марка Антония в диалоге «Об ораторе»: «Разве кто-нибудь из греков поверит, будто наш брат и сам способен что-то понять? Впрочем, мне-то, пожалуй, не в тягость, я их всех довольно легко и терплю, и переносу: ведь иной раз их послушаешь — и услышишь что-нибудь занятное, а иной раз послушаешь — и перестанешь жалеть о собственном невежестве» (*De orat.* II. 77. Пер. Ф.А. Петровского). Более того, по его словам, вся «наука» (*doctrina*) греков просто смешна (*perridicula*) (*loc. cit.*).

⁶ *Levitas* греков Цицерон противопоставлял *gravitas* римлян (*Cic. Sest.* 141).

критиковали произведения греческих писателей за их «научнообразную заумь» (*erudita vanitas*) и порицали всех греков вообще за их «распущенность» (*luxuria*), которая, по мнению таких римских моралистов, как Саллюстий или Катон Младший, во многом способствовала упадку нравов в Риме. Презрение к грекам выражалось, в частности, в том, что римские интеллектуалы (например, тот же Цицерон¹) в обиходе употребляли уничижительное слово *Graeculi* («гречишки») совершенно естественно и непринуждённо, по-видимому, ничуть не заботясь о его крайне обидном и оскорбительном для греков смысле². Столь многим обязанный грекам и эллинисти-

¹ Характерно, что на бытовом уровне у Цицерона со многими из его современников-греков сложились довольно неплохие отношения. Среди этих греков были его наставники, гостеприимцы (*hospites*) и друзья (*familiares*): Диодот, Патрон, Федр, Филон, Посейдоний и др. (*Cic. Nat. deor. I. 6; Brut. 309; Fam. XIII. 1. 2*). Одного из них, поэта Архия, Цицерон в 62 г. до н.э. даже защищал в суде. Весьма любопытны его отзывы о некоторых из тех греков, кого он знал лично и с кем был более или менее тесно связан. Так, превознося в рекомендательном письме достоинства своего друга, Демокрита из Сикиона, оратор называет его «первым» (*princeps*) среди всех греков, т.к. «в нём есть необыкновенная честность, необыкновенная добродетель, необыкновенная щедрость и почтительность к тем, с кем его связывают узы гостеприимства» (*est enim in eo summa probitas, summa virtus, summa in hospites liberalitas et observantia*) (*Cic. Fam. XIII. 78. 1*). Другого своего протеже, Лисона, Цицерон характеризует как «лучшего и благодарнейшего человека» (*virum optimum gratissimumque*) (*Cic. Fam. XIII. 19. 3*). Среди положительных качеств вольноотпущенника Аполлония оратор наряду с учёностью называет благоразумие, верность и преданность (*Cic. Fam. XIII. 16. 1–4*). Какое-то время к нему был близок некий Дионисий, бывший раб Аттика и вольноотпущенник самого оратора, — как оказалось впоследствии, недостойный человек, которым поначалу Цицерон не уставал восхищаться и расточал безмерные похвалы (*Cic. Att. IV. 11. 2; 14. 2; 15. 10; 18. 5; 19. 2; V. 3. 3; 9. 3; VI. 1. 12; VII. 4. 1; 7. 1*). Наконец, вовсе исключительный характер носили необычайно тёплые отношения оратора и его секретаря Тирона, со временем ставшего для своего патрона не только незаменимым помощником, которому доверялись самые delicate поручения, но и преданным другом (*Cic. Att. VI. 7. 2; VII. 2. 3; Fam. XVI. 1. 2; 3. 2; 4. 3; 7; 15. 1; 16. 1–2*). Как справедливо полагает М.А. Труар, эти отношения являют собой, пожалуй, единственный пример настоящей привязанности Цицерона к греку (Trouard M.A. *Cicero's attitude towards the Greeks...* P. 20). По поводу того факта, что оратор в одном из писем к Тирону (*Cic. Fam. XVI. 4. 2*) критически отзываясь о греках, М.А. Труар, на наш взгляд, вполне обоснованно полагает, что, поскольку Тирон в то время (50 г. до н.э.) уже был вольноотпущенником, «скорее всего, Цицерон не думал всерьёз о Тироне как о греке» (Trouard M.A. *Cicero's attitude towards the Greeks...* P. 21).

² Следует отметить, что расхожее словечко *Graeculi* встречается не только в сохранившихся речах Цицерона, изначально адресованных самой широ-

ческой культуре, Цицерон резко критиковал недостатки греческого воспитания и образования (Cic. Rep. IV. 3–4; Off. I. 130; De orat. II. 21; Tusc. I. 4; IV. 70). На словах он невысоко ценил греков, «жадных более до препирательств, чем до истины» (Graeculos homines contentionis cupidiores quam veritatis) (Cic. De orat. I. 47. Пер. Ф.А. Петровского). Пытаясь затушевать своё увлечение всем греческим, оратор демонстративно отстаивал традиционные римские ценности: «Но что это я всё о греках? Не знаю почему, но мне всё же больше нравится наше, римское» (sed quid ego Graecorum? Nescio quo modo me magis nostra delectant) (Cic. Div. I. 55. Пер. М.И. Рижского). В свою очередь греки, как правило, платили римлянам той же монетой, презируя в них «варваров» и ненавидя их как своих поработителей. Напряжённость в отношениях между греками и римлянами достигла своего апогея в I в. до н.э. (яркий тому пример — печально знаменитая Эфесская резня 88 г. до н.э.¹).

Чем же была культура в представлении Цицерона, этой выдающейся личности ренессансного масштаба? В своих произведениях он нередко употребляет такое понятие, как *humanitas*². В словоупотреблении оратора оно многозначно и означает не только человечность, или человеколюбие (Cic. Rep. II. 27; Verr. II. 1. 65; 2. 86; 118; 4. 120–121; 5. 111; 187; Phil. V. 40; Mil. 33; Deiot. 32), но и утончённость, учтивость, изысканность, образованность, т.е. в целом «вежество» и духовную культуру (Cic. Leg. II. 36; Verr. II. 4. 98; Quinc. 11; Flac. 24; Sest. 92; Scaur. 44; Rosc. Am. 121; Qu. fr. I. 1. 27; Fam. XI. 27. 6), в противо-

---

кой и отнюдь не самой образованной аудитории, но даже в диалогах и один раз в переписке (Cic. Sest. 110; 126; Scaur. 4; Flac. 23; Verr. II. 4. 127; Mil. 55; Pis. 70; Red. in sen. 14; Phil. V. 14; XIII. 33; Tusc. I. 86; De orat. I. 47; 102; 221; Fam. VII. 18. 1), что, на наш взгляд, свидетельствует о его неподдельном энтузиазме в деле целенаправленного опорочения греков. См.: Trouard M.A. Cicero's attitude towards the Greeks... P. 62–63; Balsdon J.P.V.D. Romans and Aliens... P. 38.
¹ См.: Великов А.П. К вопросу об этнической принадлежности жертв «эфесской резни» 88 г. до н.э. // Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории. Вып. 1. Ставрополь, 2001. С. 17–28; Гуленков К.Л. «Эфесская вечерня» // Studia historica. Вып. II. М., 2002. — С. 107–113.

² См.: Arnaldi F. *Humanitas // Romana*. 1941. 5. P. 169–188; Baldry H.C. *The Idea of the Unity of Mankind // Grecs et barbares. Entretiens sur l'antiquité classique*. 8. Vandoeuvres-Genève, 1962. P. 195; Guillemin A.M. *Ciceron entre le genie grec et le «mos maiorum» // REL*. 1955. 33. P. 209–230; Mayer J. *Humanitas bei Cicero*. Diss. Freiburg, 1950; Nybakken O.E. *Humanitas romana // TAPhA*. 1939. 70. P. 396–413; Ruch M. *Nationalisme culturel et culture internationale dans la pensée de Cicéron // REL*. 1958. 36. P. 193–204; idem. *Études cicéroniennes*. Paris, 1970. P. 80–94; Veyne P. *Humanitas: Romans and Non-Romans // The Romans / Ed. A. Giardina*. Chicago, 1993. — P. 342 sqq.

положность *cultus* как материальной культуре¹. Понятие *humanitas* у Цицерона носит универсальный характер и по сути своей наиболее близко современному понятию «цивилизация». В одном ряду с *humanitas* стоят *urbanitas* (это слово можно перевести как «этикет», «изысканность», «светскость») (Cic. De orat. I. 159; Rosc. Am. 120; Fam. XVI. 21. 7)² и *litterae* («образованность») (Cic. Rosc. Am. 120–121; Fam. XI. 27. 6). Само слово *urbanitas* свидетельствует о том, что речь идёт о городской культуре: Цицерон считал, что города (*urbes*) сыграли важнейшую роль в становлении культурной жизни (Cic. Sest. 91)³. Что же касается образованности (*litterae*), то реальным наполнением этого понятия для самого оратора и его соотечественников являлось, прежде всего, знание греческой литературы (*litterae Graecae*) (Cic. Senect. 26). Впрочем, само по себе знание литературы ещё не свидетельствует о высоком уровне культуры и профессионализма; здесь имеет значение и наличие у конкретного человека природных дарований, и то, где именно он учился: по мнению Цицерона, греческую риторику следует изучать в Афинах, а не в Лилибее, тогда как латинскую — в Риме, а не на Сицилии (Cic. Div. in Caec. 39).

В глазах Цицерона образованность была важнейшим атрибутом культурной жизни; так, в речи «В защиту Сестия» он противопоставляет жизни «дикой» (*immanis*), лишённой духовной культуры⁴, другую жизнь, «облагороженную образованностью» (*vitam perpolitam humanitate*) (Cic. Sest. 92). Культурный человек (*mansuetus, humanus*) (Cic. Rep. II. 27; Div. I. 2; Pis. 68; Arch. 19; Phil. III. 23; Deiot. 25) непременно должен быть образованным (*eruditus, doctus, politus*) (Cic. Rep. I. 18; De orat. I. 102; Div. I. 2; Pis. 68; Mil. 30; Fam. VII. 1. 3; 5; XI.

¹ В «Тускуланских беседах» Цицерон уподобляет возделыванию поля занятия философией, которые он расценивает как «возделывание души» (*cultura autem animi philosophia est*) (Cic. Tusc. II. 13). В этом случае использованное Цицероном слово *cultura* по своему значению аналогично понятию *humanitas*.

² О роли *urbanitas* в жизни римской элиты см.: Hall J. Politeness and Politics in Cicero's Letters. Oxford, 2009. См. также мою рецензию на эту книгу в *Studia historica*. Вып. X. М., 2010. — С. 248–255.

³ Цивилизованной жизни в городе (*urbanitas*) со всеми её пороками оратор противопоставляет далёкую от цивилизации, простую и суровую сельскую жизнь (*vita rustica*) (Cic. Rosc. Am. 75; Fam. XVI. 21. 7). По мнению Г.С. Кнабе, «отсутствие городов — отличительный признак варварства» (Кнабе Г.С. Исторические предпосылки и главные черты античного типа культуры // Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. — С. 172).

⁴ Об *inculta hominum vita* Цицерон пишет в трактате «О государстве» (Cic. Rep. II. 18).

27. 6; 8; XIII. 16. 4). Природные дарования и хорошая память в совокупности с самым широким кругом знаний из разных областей, по мысли Цицерона, формируют всесторонне образованную личность (Cic. De orat. I. 17–18; 48; II. 5). Образование, в понимании Цицерона, включает и греческую теорию, и римскую практику¹. Оно отличает культурного человека от варвара, ибо «в образованном уме нет ничего грубого, ничего бесчеловечного» (*exculto enim animo nihil agreste, nihil inhumanum est*) (Cic. Att. XII. 46). В процессе образования формируется рациональное начало (*ratio*) (Cic. Fam. VII. 1. 5), лежащее в основе поведения культурных людей, — поведения, которое коренным образом отличается от иррационального и неуравновешенного поведения варваров (Cic. Tusc. II. 65; Mil. 30).

Во времена Цицерона в Римской республике отсутствовала государственная система образования; соответственно, образование не было стандартизировано (Cic. Rep. IV. 3)². Реально оно представляло собой «гибрид римских институциональных мифов и греческих педагогических систем»³. Цель, стоявшая перед римским образованием, была вполне прагматична: воспитание достойной молодёжи для активного участия в жизни гражданской общины⁴. Цицерон считал, что идеальный гражданин — это человек, чьи природные способности облагорожены хорошим, в том числе греческим, образованием (Cic. Rep. I. 30; Lig. 10; Arch. 15).

Риторика в Риме вплоть до 90-х гг. до н.э. преподавали исключительно греки⁵. По-видимому, первые латинские риторические школы в Риме появились в 93 г. до н.э. (Cic. De orat. III. 93). Первым преподавать на латыни в Вечном городе стал ритор Луций Плотий Галл (Suet. Gram. 26; Quint. II. 4. 42). В этот период в Риме насчитывалось свыше двадцати известных грамматических школ (Suet. Gram. 3). В 92 г. до н.э. цензоры Гней Домиций Агенобарб и Луций Лициний Красс приняли решение о закрытии в городе на семи холмах латинских риторских школ (Suet. Gram. 25; Gell. XV. 11. 1–2)⁶. Чем это было вызвано? Ведь ещё в 161 г. до н.э. сенат запретил преподавание

¹ Griffin M. The intellectual developments of the Ciceronian age... P. 692.

² В I в. до н.э. классическое образование в Риме включало изучение девяти дисциплин: грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, астрономии, музыки, медицины и архитектуры (Griffin M. The intellectual developments of the Ciceronian age... P. 705).

³ Corbeill A. Education in the Roman Republic... P. 262.

⁴ Ibid. P. 282.

⁵ Griffin M. The intellectual developments of the Ciceronian age... P. 691.

⁶ Вновь они появились в Риме лишь при Цезаре.

в Вечном городе греческим философам и риторам (loc. cit.). По-видимому, у этой акции была не столько педагогическая, сколько социально-политическая подоплёка. Дело в том, что получить образование на греческом языке могли позволить себе лишь представители правящей элиты, т.е. сенаторы и всадники, которых, как правило, с детства учили на дому греческие учителя¹, тогда как образование на латыни было вполне доступно гражданам со средним достатком. Преподаванием в латинских риторских школах профессионально занимались римские граждане, а не бесправные греки, всецело зависевшие от своих римских патронов. Делая выбор в пользу греческой риторики, цензоры способствовали сохранению в общественной жизни доминирующих позиций элиты².

Помимо образованности, в числе компонентов культурного *modus vivendi*, каким он виделся Цицерону, следует назвать эстетический (Cic. Orat. 25; 161), лингвистический (Cic. Brut. 258; 286; Orat. 160) и правовой (Cic. Sest. 92). В 55 г. до н.э. Цицерон писал Марку Марию о том, что вести жизнь, полную досуга (*otium*), для него значит «жить по-человечески» (*humaniter vivere*) (Cic. Fam. VII. I. 5). Понятие «досуг» (*otium*) в представлении современников Цицерона означало погружение в мир изящной словесности и благородных искусств. Это был мир греческой литературы, которую Цицерон знал и любил. К книгам он всегда питал особое пристрастие³, полагая, что чтение книг необходимо в образовательном процессе (Cic. Arch. 14–16). Атик регулярно снабжал друга сочинениями греческих авторов⁴. Какое-то время оратор мечтал о приобретении богатейшей библио-

¹ Griffin M. The intellectual developments of the Ciceronian age... P. 690.

² Corbeill A. Education in the Roman Republic... P. 283. Таким образом, латинских риторов властям было труднее контролировать, чем преподавателей-греков (*ibid.* P. 272–273). Эти последние являлись, как правило, вольноотпущенниками, чей социальный статус был крайне низок (Sen. Contr. II, praef. 5; Cic. Off. I. 151). См.: Corbeill A. Education in the Roman Republic... P. 268 sqq.; Stroup S.C. Greek Rhetoric Meets Rome: Expansion, Resistance, and Acculturation // A Companion to Roman Rhetoric / Ed. W. Dominik and J. Hall. Oxford, 2007. — P. 31–32.

³ По мнению Г. Буассье, «Цицерон ничего не любил так, как книги» (Буассье Г. Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времён Цезаря / Буассье Г. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1993. — С. 118).

⁴ Огромное влияние на Цицерона как мыслителя и писателя оказали Платон, Аристотель, Феофраст, Феопомп, Дикеарх, Эратосфен, Клитомах, Карнеад, Панэций, Посейдоний и др. См.: Trouard M.A. Cicero's attitude towards the Greeks... P. 12 sqq.; Буассье Г. Цицерон и его друзья... С. 173; Нахов И.М. Цицерон и греческая культура // Цицерон. 2000 лет со времени смерти. М., 1959. — С. 72 слл.

теки самого Аттика, однако ввиду нехватки наличных средств долго откладывал осуществление своей мечты (Cic. Att. I. 4. 3; 10. 4; 11. 3). В 56 г. до н.э. Цицерон писал Аттику об устройстве своей личной библиотеки: «После того как Тираннион привёл мои книги в порядок, мне кажется, что моё жилище получило разум» (Cic. Att. IV. 8. 2. Пер. В.О. Горенштейна).

Кроме книг, Цицерон собирал произведения искусства, в частности, скульптуру¹. Безусловно, он был в известной степени ценителем, но отнюдь не глубоким знатоком живописи и скульптуры, являя собой пример весьма посредственного собирателя, покупавшего произведения искусства по принципу «числом поболее, ценою подешевле». Так, в 67 г. до н.э. Атик закупил для Цицерона статуи, которыми тот намеревался украсить свою усадьбу в Формиях. Ещё не видевший самих статуй Цицерон пишет Аттику: «Весьма признателен тебе за то, что они были приобретены тобою осмотрительно и по дешёвой цене» (Cic. Att. I. 3. 2). Отношение Цицерона к греческому искусству было, в основе своей, чисто утилитаристским; оратор не столько восхищался эллинским гением, сколько отдавал дань моде того времени, при этом всячески стараясь сэкономить, о чём красноречиво свидетельствует фрагмент его письма к своему другу Фадию Галлу: «...Ты же, не зная о моём правиле, взял четыре или

¹ В 67 г. до н.э. он писал Аттику: «Я заплатил Лудию Цинцию 20 400 сестерциев за мегарские статуи, как ты мне и написал. Твои пентеликонские гермы с бронзовыми головами, о которых ты мне сообщил, уже сейчас чрезвычайно меня восхищают. Поэтому я хотел бы, чтобы ты прислал мне в возможно большем числе и возможно скорее и их, и статуи, и прочее, что покажется тебе достойным и того места, и моего рвения, и твоего тонкого вкуса, в особенности же то, что ты сочтёшь подходящим для гимнасия и ксиса. Ведь я настолько захвачен этой страстью, что ты должен помогать мне, другие же, пожалуй, должны меня порицать» (Cic. Att. I. 8. 2). Цицерон не давал Аттику забыть о своей страсти к украшению интерьеров: «С нетерпением жду мегарских статуй и герм, о которых ты мне написал. Что бы ты ни достал в этом роде, всё, что покажется тебе достойным Академии, не колеблясь, присылай мне и доверяй моему сундуку. Вещи этого рода доставляют мне удовольствие (*genus hoc est voluptatis meae*). Я ищу то, что особенно подходит для гимнасия» (Cic. Att. I. 9. 2). Из Тускульской усадьбы оратор просил Атика: «Я хотел бы, чтобы ты погрузил как можно более удобным способом мои статуи и гермераклы, о которых ты пишешь, а также прочее, что ты сочтёшь достойным того места, которое ты знаешь, в особенности же то, что покажется тебе подходящим для палестры и гимнасия. Ведь я писал это тебе, сидя там, так что само место меня вдохновляло. Кроме того, поручаю тебе приобрести изображения, которые я мог бы вставить в штукатурку стен малого атрия, и две мраморные ограды с фигурами для колодцев» (Cic. Att. I. 10. 3–4).

пять статуй за столько, во сколько я вообще не ценю все существующие статуи. Этих вакханок ты сравниваешь с музами Метелла. Что похожего? Прежде всего, я никогда не оценил бы этих самых муз так высоко и сделал бы это с одобрения всех муз. Впрочем, они подошли бы для библиотеки и соответствовали бы моим занятиям. Однако где у меня место для вакханок? «Но они премиленькие». Знаю прекрасно и часто их видел; я поручил бы тебе приобрести именно эти известные мне статуи, если бы они мне нравились. Ведь я имею обыкновение покупать те статуи, которые украшают у меня участок на палестре ради сходства с гимнасиями. А зачем мне, поборнику мира, статуя Марса? Радуюсь, что не было статуи Сатурна; ведь я считал бы, что две эти статуи принесли мне долги. Я предпочёл бы, чтобы было какое-нибудь изображение Меркурия... Касательно столоносца, которого ты предназначил для себя: если он тебя восхищает, возьми его; если же ты изменил намерение, то я, разумеется, возьму. Право же, за эту сумму я гораздо охотнее купил бы постоянный двор в Таррацине... В галерейке тускульской усадьбы мною выстроены новые небольшие экседры; их я хотел украсить картинами. В самом деле, если что-нибудь в этом роде меня и восхищает, то восхищает живопись» (Cic. Fam. VII. 23. 2–3). Безусловно, Цицерона никак нельзя назвать «крупным коллекционером», как это сделал У. Кнохе¹. По-видимому, его интерес к антиквариату был поверхностным, а познания в этой области — неглубокими². Утверждая в одной из веррин, что «знать толк в этих вещах — дело пустое» (Cic. Verr. II. 5. 33. Пер. В.О. Горенштейна), Цицерон вместе с тем со знанием дела описывает мраморного Купидона работы Праксителя (ibid. 4), бронзового Геркулеса, изваянного Мироном (ibid. 5), великолепные фалеры царя Гиерона (ibid. 29), серебряные кубки (ibid. 32), роскошный стол из африканской туи (ibid. 37) и пр.

¹ Knoche U. Cicero: ein Mittler griechischer Geisteskultur // Hermes. 87. 1959. — S. 61.

² Showerman G. Cicero's Appreciation of Greek Art // AJPh. 25. 1904. — P. 306 sqq.; Trouard M.A. Cicero's attitude towards the Greeks... P. 7. Характерно, что в одной из веррин оратор пренебрежительно отзывается о греческом искусстве, демонстрируя своё — скорее мнимое, чем подлинное — невежество в этой области (Cic. Verr. II. 4. 4–5; 13; 33; 132–135). Словно забыв о собственном собирательстве греческих книг и предметов искусства (Cic. Att. I. 1. 5; 3. 2; 4. 3; 5. 7; 6. 2; 7; 8. 2; 9. 2; 10. 3; 11. 3; Qu. fr. III. 4. 5; Brut. 70; De orat. III. 26–28), Цицерон, подобно Катону Старшему, осуждает тех представителей римской элиты, которые привыкли восхищаться вещами такого рода (Cic. Par. 36–38. Ср.: Cic. Leg. Man. 40). По его словам, такой человек является «рабом всевозможных предассудков» (ineptiarum) (Cic. Par. 37. Ср.: Cic. Verr. II. 4. 124).

Цицерон прекрасно знал и любил греческий язык, которым владел так же хорошо, как и латынью (*doctus sermonis utriusque linguae*) (Cic. Brut. 310. Ср.: Suet. Gram. 25)¹; в этом нас убеждает уже та лёгкость, с которой он переходил с одного языка на другой (*tum Graece, tum Latine*) (Cic. Att. IX. 4. 3)². Очевидно, именно в этой связи за ним и закрепились презрительные прозвища «Graicos» («грек») и «scholasticos» («учёный»), которыми его наградило римское простонародье и о которых упоминает Плутарх в «Жизнеописании» оратора (Plut. Cic. 5). Знатоков греческого языка в Риме именовали «гречишками» (*Graeculi*), о таких дед Цицерона говаривал: «Кто лучше всех знает по-гречески, тот и есть величайший негодяй» (*ut quisque optime Graece sciret, ita esse nequissimum*) (Cic. De orat. II. 265. Пер. Ф.А. Петровского). Это обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, как непросто было Цицерону совмещать свою приверженность интеллектуальной досугу (*otium*) и всем известную репутацию филэллина с активной общественной и политической деятельностью (*negotium*). По-видимому, он неплохо писал по-гречески, причём сам был весьма высокого мнения о своих творениях, и вместе с тем очень хотел, чтобы написанное им, в сущности, для греков было по достоинству ими оценено³.

¹ Цицерон отмечал богатство греческого языка (*lingua copiosa*) (Cic. Fin. III. 51. Ср.: Cic. Brut. 310; Tusc. II. 35), «изящество (*subtilitas*) и утончённость» (*elegantia*) (Cic. De orat. II. 28. Ср.: Cic. Flac. 9).

² Кнабе Г.С. Цицерон: Эстетика идеала и высокой нормы // Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. — С. 409–410. Незаурядная осведомлённость Цицерона в вопросах греческой филологии дала основание некоторым исследователям считать его «великим эллинистом» (Scribner H.S. Cicero as a Hellenist... P. 84). См. также: Baldwin B. Greek in Cicero's letters // ACl. 35. 1992. — P. 1–17.

³ Это желание мотивировалось в основном тщеславием оратора, прекрасно отдававшего себе отчёт в том, что «произведения на греческом языке читаются почти во всех странах, тогда как труды на латыни ограничены своими, очень тесными, пределами» (*Graeca leguntur in omnibus fere gentibus, Latina suis finibus, exiguis sane continentur*) (Cic. Arch. 23). Как здравомыслящий человек, Цицерон понимал, что «жалкие латинские переписчики» (*librarioli Latini*) не могут быть достойными соперниками по перу огромного множества греческих писателей с их «учёным изобилием» (*erudita Graecorum copia*) (Cic. Leg. I. 7. Ср.: Cic. Tusc. II. 6). Отставание римлян от греков в гуманитарной области оратор был склонен объяснять тем, что Греция намного «старше» Рима, поэтому греки гораздо раньше римлян стали развивать у себя «благородные искусства» (Cic. Rep. I. 58; II. 18–19; Brut. 39–41; 49; Orat. 171). См.: Trouard M.A. Cicero's attitude towards the Greeks... P. 43 sqq.).

В марте 60 г. до н.э. Цицерон писал Аттику: «Посылаю тебе записки о моём консульстве, написанные по-гречески¹. Если в них найдётся что-нибудь такое, что покажется человеку из Аттики недостаточно греческим и учёным, то я не скажу того, что, как мне кажется, Лукулл сказал тебе в Панорме о своей «Истории»: чтобы тем легче доказать, что она написана римлянином, он с этой целью рассыпал кое-какие варваризмы и солецизмы; если у меня найдётся что-нибудь в этом роде, то это будет вследствие моей оплошности и против моей воли. Если напишу их на латыни, пришлю тебе. В-третьих, жди поэму, чтобы и этот жанр не был упущен самим же мною для моего прославления» (Cic. Att. I. 19. 10). Таким образом, Цицерон не только являлся ценителем и глубоким знатоком греческой литературы (чего нельзя сказать, к примеру, о скульптуре и живописи), но также был самым непосредственным образом к ней причастен, ибо сам писал по-гречески и поддерживал тесные контакты с целым рядом греческих интеллектуалов того времени².

Характеризуя уровень владения римлянами родным языком приблизительно за сто лет до современной ему эпохи, Цицерон отмечает, что «тогда почти все, кто не жил вне этого города (Рима. — В.Н.) и чьё произношение не испортила какая-нибудь местная варварская речь (*aliqua barbaries domestica*), говорили правильно» (*recte loquebantur*) (Cic. Brut. 258)³. Противопоставив латынь варварским

¹ Сам Цицерон был весьма высокого мнения об этом своём труде: «Я полагаю, ты наслаждаешься моими латинскими сочинениями, этому же греческому грек завидует» (Cic. Att. I. 20. 6). Суетная жажда славы обуревала Цицерона, когда он писал Аттику: «Чего ещё желать? Я привёл в замешательство греческий народ... Ты же, если книга тебе понравится, позаботься о том, чтобы она оказалась и в Афинах, и в других городах Греции; ведь она, как мне кажется, может придать моим деяниям некоторый блеск» (Cic. Att. II. 1. 2). Наконец, о своём сочинении «Академики» в 4 книгах он пишет Аттику летом 45 г. до н.э.: «Книги, право же, вышли так (если меня случайно не обманывает присущее всем самолюбие), что в этом роде нет ничего подобного даже у греков» (Cic. Att. XIII. 13. 1).

² Прежде всего это поэт Архий из Антиохии, философы-стоики Диодот и Посейдоний, а также философ академической школы Филон из Лариссы. Все они были личными друзьями Цицерона.

³ Правильное произношение не приходилось игнорировать, поскольку устная культура в Риме играла чрезвычайно важную роль (Griffin M. *The intellectual developments of the Ciceronian age...* P. 689). Речь идёт об оро-акустической ориентации античной культуры, под чем обычно подразумевается «ориентация античной культуры на устное, живое, звучащее слово и на его слуховое восприятие» (Утченко С.Л. *Политические учения древнего Рима* (III — I вв. до н.э.). — М., 1977. — С. 8).

наречиям, оратор возвёл её на ту же высоту, на которой до тех пор находился лишь греческий язык¹. Самому оратору пришлось однажды оправдываться в том, что на Сицилии он, выступая перед местными сенаторами, говорил по-гречески, что считалось недостойным (*indignum facinus*) римского промагистрата (*Cic. Verr. II. 4. 147*)².

Десятилетиями Цицерон-патриот боролся с Цицероном-филэллином. Цицерон-патриот утверждал, что не уступит грекам «даже в изобилии слов» (*ut a Graecis ne verborum quidem copia vinceremur*) (*Cic. Nat. deor. I. 8*), хотя сам же призывал стремиться к «полноте мысли при наименьшем количестве слов» (*plena consiliorum, inania verborum*) (*Cic. De orat. I. 37*). Более того, он пытался доказать, что латинский язык своим лексическим богатством превосходит греческий (*Cic. Fin. I. 10; III. 5. Ср.: Cic. Tusc. III. 10; IV. 36; Div. I. 1; De orat. II. 18; Orat. 164; Senect. 45; Fam. IX. 24. 3*). Явно увлѣкшись собственным антигреческим пафосом, Цицерон однажды заявил, что римлянин должен знать родной язык, тогда как греческий ему знать вовсе не обязательно (*Cic. Off. I. 111*). В то же время Цицерон-филэллин констатировал: «Римляне почти не знают по-гречески, а греки — по-латыни. Поэтому они глухи к речи друг друга. Так и все мы совершенно глухи к тем бесчисленным языкам, которых не понимаем» (*Cic. Tusc. V. 116*). В подтексте этой фразы читается подлинно гуманистический

¹ Многие образованные люди греко-римского мира даже во времена Империи считали латынь «варварским» языком. Поэтому, в частности, Марк Аврелий и Клавдий Элиан писали по-гречески (см.: Kroll W. *Studien zum Verständnis der Römischen Literatur*. Stuttgart, 1924. — S. 9). Вместе с тем в эпоху Цицерона некоторые образованные римляне, свободно изъяснявшиеся на обоих языках, в том числе и сам Цицерон, стремились к тому, чтобы свести на нет монопольное право греческого языка быть языком науки и культуры, поставить на одну доску с ним родную латынь и тем самым добиться полного «равноправия» латинского языка и римской культуры с языком и культурой греков. Подробнее об этом см.: Bonner R.J. *The conflict of languages in the Roman World* // *CJ*. 25. 1929–1930. — P. 579–592; Dubuisson M. *Utraque lingua* // *AC*. 50. 1981. P. 274–286; *idem*. *Grecs et Romains: le conflit linguistique* // *L'Histoire*. 50. 1982. — P. 21–29; *idem*. *Some aspects of Graeco-Roman relations. The attitude of Roman administration toward language use. Xenophobia and disparaging words in Greek and Latin* // *Prudentia*. 15. 1983. — P. 35–47; *idem*. *Le latin est-il une langue barbare?* // *Ktēma*. 9. 1984. — P. 55–68.

² Тогда как греческий язык оставался языком культуры, которым владели все образованные римляне (Kroll W. *Studien zum Verständnis... S. 5*), проявления римского «национализма» на лингвистической почве порой доходили до курьёзов, о чём свидетельствуют примеры Лукулла (*Cic. Att. I. 19. 10*) и Авла Постумия Альбина (*Polyb. XXXIX. 12; Gell. XI. 8. 4*). См. также: Dubuisson M. *Some aspects of Graeco-Roman relations... P. 35–47; Kaimio J. The Romans and the Greek Language* / *CHL*. 64. Helsinki, 1979.

призыв к двум народам расширять общее культурное пространство посредством изучения языка друг друга в рамках развития диалога эллинистической и римской культур.

Даже отдавая грекам безусловный приоритет в области наук (*studia, disciplinae*) и искусств (*artes*) (Cic. *Tusc. I. 3*; *Nar. resp. 19*), Цицерон-патриот оставлял за соотечественниками почётное первенство в отношении благочестия и гражданских добродетелей (Cic. *De orat. III. 137*; *Nar. resp. 19*). Решающую роль в процессе перехода от дикости к цивилизации он отводил красноречию (Cic. *Invent. I. 2*), о котором писал: «Оно есть главное орудие в общественных и частных делах, ибо одно лишь делает жизнь нашу безопасной, честной и славной, в нём обретаем мы радость и утеху» (*ibid. 4*. Пер. Г.С. Кнабе). Признавая в качестве недостижимого идеала ораторское мастерство Демосфена (Cic. *De orat. I. 260*; *Brut. 35–36*)¹, Цицерон ставил современное ему латинское красноречие гораздо выше греческого (Cic. *De orat. III. 69*). В последнем он видел лишь пустое теоретизирование, совершенно оторванное от практики и реальной жизни (Cic. *De orat. I. 37*; *47*; *II. 75–76*; *III. 57–58*; *Rep. I. 36*; *Cael. 40*; *Scaur. 3*)². К этому стоит добавить напыщенное пустословие и страсть к украшательству, когда «в иных мыслях благозвучия и сладости больше, чем пользы или необходимости» (*magis venustae dulcesque sententiae quam aut necessariae aut interdum utiles*) (Cic. *Brut. 326*). Напротив, по мнению Цицерона, римское ораторское искусство характеризуется именно своим прагматизмом и связью с повседневными реалиями (Cic. *De orat. I. 15*; *253*; *II. 78–84*; *III. 69*; *Brut. 118*; *254*; *289*; *Off. II. 66*)³.

Важнейшими критериями уровня ораторского мастерства для Цицерона являлись общая культура и образованность оратора, его «познания в философии, гражданском праве и истории» (Cic. *Brut. 161*. Пер. И.П. Стрельниковой. Ср.: Cic. *De orat. I. 5*). Идеальный оратор не должен замыкаться в узких рамках своей профессиональной, адвокатской или политической, деятельности; ему необходимо по-

¹ Видя свой идеал ораторского искусства в древних Афинах (Cic. *De orat. gen. orat. 3*; *De orat. I. 13*), Цицерон высоко оценивал греческое красноречие классического периода, которое, по его мнению, со временем пришло в упадок (Cic. *Brut. 254*). О том, кто из греческих ораторов и в какой мере оказал влияние на Цицерона, см.: Laughton E. *Cicero and the Greek orators* // *AJPh. 1961. 82*. — P. 27–49.

² Во II книге трактата «Об ораторе» Цицерон весьма пренебрежительно высказался о преподавателях-греках: «Они учат других тому, чего не испытывали сами» (Cic. *De orat. II. 76*. Пер. Ф.А. Петровского).

³ В конечном счёте, для Цицерона ораторское мастерство складывается из греческой теории и римской практики (Cic. *De orat. I. 14*).

стоянно пополнять свой запас знаний, «ведь все науки, воспитывающие просвещённого человека, как бы сцеплены между собой общими звеньями и в какой-то мере родственны одна другой» (Cic. Arch. 2. Пер. В.О. Горенштейна). Именно всестороннее гуманитарное образование, широкий кругозор и эрудиция отличают «красноречивого» (eloquens) человека от «речистого» (disertus) (Cic. De orat. I. 95. Ср.: Cic. Brut. 176). Только истинно красноречивый, «настоящий и совершенный оратор решительно обо всяком предмете сумеет говорить содержательно и разнообразно» (Cic. De orat. I. 59. Здесь и далее цит. в пер. Ф.А. Петровского). Он «должен исследовать, переслушать, перечитать, обсудить, разобрать, испробовать всё, что встречается человеку в жизни, так как в ней вращается оратор и она служит ему материалом» (Cic. De orat. III. 54). В свете всего вышесказанного весьма характерно декларированное Цицероном отношение таких «настоящих» ораторов, как Луций Лициний Красс и Марк Антоний, к греческой науке: «Красс не скрывал, что он учился, но старался показать, что учением этим он не дорожит и что здравый смысл соотечественников во всём ставит выше учёности греков; а Антоний полагал, что у такой публики, как наша, его речь встретит больше доверия, если будут думать, что он вовсе никогда не учился» (Cic. De orat. II. 4). Ещё один отголосок давнего конфликта между греческой теорией и римской практикой...

Как известно, греческий идеал калокагатии предполагал гармоничное развитие нравственных и физических качеств человека, поэтому греки веками культивировали атлетизм¹. Гимнастика и агон являлись неотъемлемыми компонентами греческой полисной культуры; недаром у римских интеллектуалов палестра и гимнасий ассоциировались с греками и их «учённостью» (Cic. De orat. II. 20). В отличие от греков римляне специально спортом не занимались, полагая, что необходимую физическую подготовку можно получить во время тренировок на Марсовом поле (Plut. Mar. 34)² или в ходе военной кампании (ibid. 13. Ср.: Cic. Off. II. 45)³. В результате грече-

¹ По словам А.-И. Марру, «спорт для греков — не просто праздное развлечение. Его воспринимают как весьма серьёзное занятие, тесно связанное с гигиеной и медициной, и равным образом — с эстетикой и этикой» (Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). — М., 1998. — С. 165).

² См.: Corbeil A. Education in the Roman Republic... P. 278 sqq.

³ Кроме того, существовал ещё и такой неотъемлемый компонент аристократического воспитания, как искусство охоты, которому молодых римских нобилей учили всё те же греки (Plut. Aem. 6. 9; Cic. Rep. I. 36; Off. I. 104; Nat. deor. II. 161; Hor. Sat. II. 2. 9–11; Plin. Pan. 81. 1–2).

ская атлетика на италийской почве изначально приняла характер популярного зрелища, участниками которого были, как правило, греческие атлеты, а зрителями — римские граждане¹. Исключение составляли кулачные бои. Сами римляне поначалу воздерживались от выступлений в качестве кулачных бойцов (Тас. Ann. XIV. 20), поэтому организаторы игр приглашали атлетов-иностранцев (Liv. I. 35. 9). Предпочитая — в соответствии с вековыми традициями — заниматься военной подготовкой и презирая давно уже ставшую профессиональной греческую атлетику², римляне видели в последней занятие для бездельников, недостойное римского гражданина и воина³. При этом традиционное римское воспитание обязательно включало в себя гимнастику, которой, как выясняется, было присуще немало характерных черт греческого атлетизма⁴. Так, известный своим консерватизмом Катон Старший, лично занимавшийся воспитанием сына, «обучил мальчика и грамоте, и законам, и гимнастическим упражнениям, обучил его не только метать копье, сражаться в тяжёлых доспехах и скакать на коне, но и биться на кулаках, терпеть зной и стужу и вплавь перебираться через реку, изобилующую водоворотами и стремнинами» (Plut. Cat. Mai. 20. Пер. С.П. Маркиша под ред. С.С. Аверинцева). Однако в повседневном быту более или менее состоятельных римских граждан гимнастика имела второстепенное значение по сравнению, например, с баней (balnea).

Тем не менее, следуя определённой «моде», владельцы рабовладельческих вилл устраивали у себя частные гимнасии и палестры, чьё убранство зависело от вкуса и финансовых возможностей хозяина. Яркий пример такого хозяина — Цицерон, к концу жизни ставший обладателем полутора-двух десятков поместий⁵. Самые любимые из них всем известный филэллин и эстет со вкусом благоустроивал и украшал, сооружая и отделявая гимнасии и палестры, ксисы и экседры, атрии и портики (см. выше). Так, в своём тускуланском имении (Tusculanum, suburbanus fundus) Цицерон

¹ Newby Z. Greek Athletics in the Roman World. Victory and Virtue. — N.Y., 2005. — P. 26.

² Ещё Платон обратил внимание на то, что профессиональный спорт всё больше отдаляется от подготовки воина. См.: Гвоздева Т.Б. Атлетизм в Древней Греции: любители и профессионалы // ВИ. — № 11. — М., 2002. — С. 161–164. Ср.: Plut. Philop. 3; Alex. 4.

³ Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII — V вв. до н.э. Л., 1985. С. 95.

⁴ Newby Z. Greek Athletics in the Roman World... P. 41.

⁵ Кузицин В.И. Земельные владения Цицерона // Исследования в области экономической истории античности. — СПб., 2011. — С. 32.

обустроил два гимнасия и один из них назвал «Лицеем» (Cic. Div. I. 8)¹. Впрочем, всё это делалось им приватно и исключительно для собственного удовольствия. Иное дело — публичные занятия гимнастикой. То обстоятельство, что в гимнасиях в силу давней традиции юноши занимались спортом обнажёнными, не могло не раздражать такого консерватора, каким всегда был Цицерон, поскольку нагота в Риме считалась безнравственной (Cic. Tusc. IV. 33; Plut. Cat. 20). Цицерон критически высказывался по поводу развязного поведения молодёжи в гимнасиях (Cic. Rep. IV. 4; Off. I. 130) и, в частности, порицал процветавший там гомосексуализм (Cic. Tusc. IV. 70)².

Особое место в системе ценностей Цицерона занимает философия, «мать» (parens) всех наук (Cic. De orat. I. 9). В области философии Цицерон, безусловно, был «энциклопедистом»³. Обычно его называют «эклектиком», но греческая философия той эпохи сама по себе была эклектичной⁴. И здесь, как и в других областях культуры, науки и образования, Цицерон бросил грекам вызов. Признавая за ними бесспорный приоритет в этом деле (Cic. De orat. III. 69)⁵, он

¹ Подробнее об этом см.: Никишин В.О. Цицерон и античная спортивная культура // Олимпийские игры: история и современность. Сборник статей участников ежегодной межвузовской научной конференции «Восток и Запад: приоритеты эпох». — М., 2012. — С. 170–183.

² И в I в. до н.э., и позже консервативно настроенные греко-римские авторы считали времяпрепровождение в гимнасиях свидетельством изнеженности, распущенности и безнравственного поведения (Liv. XXIX. 19.11; Luc. VII. 270–272; Tac. Ann. XIV. 20; Plut. Mor. 274 d–e). Нежелание уподобляться «распутным» и «безнравственным» грекам привело к тому, что в Риме атлеты, вопреки греческой традиции полностью обнажать тело, носили набедренные повязки (Dion. Hal. Ant. Rom. VII. 72. 2–4) (Stewart A.F. Art, Desire and the Body in Ancient Greece. Cambridge, 1997. P. 27, 239).

³ Griffin M. The intellectual developments of the Ciceronian age... P. 719. О месте философии в творчестве Цицерона см.: Douglas A.E. Cicero the Philosopher // Cicero / Ed. T.A. Dorey. — L., 1965. — P. 135–170; Schmidt P.L. Cicero's Place in Roman Philosophy: A Study of his Prefaces // CJ. 74(2). — 1979. — P. 115–127; Glucker J. Cicero's Philosophical Affiliations // The Quaestion of «Eclecticism»: Studies in Later Greek Philosophy / Ed. J.M. Dillon and A.A. Long. — Berkeley, 1988. — P. 34–69; MacKendrick P. The Philosophical Works of Cicero. N.Y., 1989; Powell J.G.F. Introduction: Cicero's Philosophical Works and their background // Cicero the Philosopher: Twelve Papers / Ed. J.G.F. Powell. Oxford, 1995. — P. 1–36.

⁴ Griffin M. The intellectual developments of the Ciceronian age... P. 721.

⁵ Особый пиетет оратор питал к Сократу, Платону и Аристотелю (Trouard M.A. Cicero's attitude towards the Greeks... P. 3–16). Что же касается Платона, то он являлся для Цицерона олицетворением и воплощением греческой культуры, идеальным представителем «древней и неиспорченной» Греции, Graecia vetus (Knoche U. Cicero: ein Mittler griechischer Geisteskultur... S. 63).

вместе с тем всячески ратовал за то, чтобы римляне всерьёз занялись философией, дабы составить грекам конкуренцию: «Если бы эти занятия были перенесены к нам, сразу бы явились у нас и книжные собрания, как у греков, — ведь у греков потому так много книг, что у них великое множество писателей; многие говорят одно и то же, оттого всё и набито у них книгами. Будь у нас интерес к таким занятиям, то же самое было бы и у нас. Вот я и стараюсь возбудить таких мужей, у которых общее образование и изящество речи сочетались бы с умением философствовать разумно и последовательно» (Cic. Tusc. II. 6. Пер. М.Л. Гаспарова). Свою задачу Цицерон видел в создании учебных пособий по философии на латинском языке, чтобы римские интеллектуалы более не нуждались в аналогичных книгах, написанных греками (Cic. Div. II. 4–5; Tusc. I. 1–4; II. 5–6; 26; IV. 1–6)¹. Речь шла о том, чтобы изложить на латыни начала философии (Cic. Nat. deor. I. 7; Fin. III. 5), познакомить с ними римского читателя (Cic. Off. I. 1; II. 5) и побудить соотечественников углубиться в философские штудии (Cic. Div. II. 1). По своему обыкновению Цицерон-патриот заставил замолчать Цицерона-филэллина и подверг резкой критике современную ему греческую философию (Cic. Cael. 40–41; De orat. II. 61; Att. V. 10. 5). Пытаясь примирить между собой «установления предков» и «философские учения», Цицерон тем не менее подчёркивал безусловный приоритет гражданского долга перед «благородными науками и искусствами» (Cic. Rep. III. 5–6).

Интенсивное и эффективное развитие национальной культуры возможно лишь при условии известной открытости общества по отношению к другим культурам наряду с готовностью к диалогу, взаимодействию и плодотворным заимствованиям. Цицерон не мог этого не понимать. Однако усвоенное им с некоторых пор ампула

¹ Принято считать, что Цицерон играл роль «философского посредника»; как мыслитель он был эклектиком и собственной оригинальной философии не выработал. См., напр.: Lovejoy A., Boas G. Primitivism and Related Ideas in Antiquity. Baltimore, 1935. — P. 243. Впрочем, на этот счёт существует и другое мнение, в соответствии с которым Цицерон не только был переводчиком, механическим посредником в процессе ознакомления римлян с греческой философией, но играл в этом процессе активную, творческую роль. См.: Майоров Г.Г. Цицерон как философ // Цицерон. Философские трактаты. — М., 1985. — С. 16–17; Нахов И.М. Цицерон и греческая культура... С. 101; Conway R.S. The originality of Cicero // Bull. J. Rylands Libr. 14(2). Manchester, 1930. — P. 361–385; Hunt H.A.K. The humanism of Cicero. Melbourne, 1954. — P. 189; Knoche U. Cicero: ein Mittler griechischer Geisteskultur... S. 58 sqq.; Schmidt P.L. Cicero's Place in Roman Philosophy... P. 115 sqq.; Trouard M.A. Cicero's attitude towards the Greeks... P. 95–96.

консерватора и строгого блюстителя *mores maiorum* побудило оратора поставить «порчу и изменение нравов» (*quaedam corruptela ac demutatio morum*) в зависимость от «соприкосновения с чужим языком и чужими порядками» (*admiscentur enim novis sermonibus ac disciplinis*) (Cic. Rep. II. 7). В тисках этих неизбежных противоречий формировалась гуманитарная концепция Цицерона, убеждённого филэллина и вместе с тем патриота-традиционалиста, стремившегося на основе заимствованных у греков элементов эллинистической культуры выстроить свою, римскую, систему *artes liberales*.